

М.Н. Желтова

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СТОЯНКИ (КОСТЕНКИ 4)

В 1926–1927 гг. в европейской части нашей страны проводились масштабные работы по изучению палеолитических памятников, для чего была создана специальная экспедиция по изучению культур палеолита (Юго-Восточная экспедиция), руководителем которой был назначен П.П. Ефименко (Замятнин, 1929). В 1926 г. были проведены исследования в районе Самары на Волге и в Брянской губернии — на Супоневской стоянке, в 1927 г. — на стоянке Бердыж (Чечерский район Гомельского округа) и Гагарино (Липецкий уезд Тамбовской губернии).

На протяжении всей деятельности экспедиции особое значение имело изучение палеолитических памятников Костенковско-Борщевского района на Дону. Такое пристальное внимание было обусловлено блестящими открытиями, сделанными здесь в предыдущие годы в ходе работ под руководством П.П. Ефименко. Считалось, что ряд четвертичных памятников, обнаруженный на столь компактной территории, дает представление о ходе развития и смене культур почти всего верхнего палеолита Восточной Европы. Поэтому главными задачами в 1927 г. были про-

должение изучения открытых ранее, но недостаточно полно обследованных стоянок и поиск новых местонахождений эпохи палеолита. Проведение полевых работ в 1927 г. было возложено на С.Н. Замятнина, так как П.П. Ефименко не смог заняться этим лично.

Поставленные задачи были успешно выполнены, в полевом сезоне 1927 г. были раскопаны стоянки Костенки 2 и Костенки 3, произведены дополнительные исследования на Костенках 1, а разведочными работами обнаружены стоянки Костенки 10 (Аносовская 1) и Костенки 4 (Александровская), на которой была заложена серия шурфов. Касаясь истории исследований Александровской стоянки, А.Н. Рогачев упоминает полный комплект документации этих работ, включающий план, разрезы и поквартную опись находок (Рогачев, 1955). Однако в настоящее время мне не удалось обнаружить общего плана памятника, разрезов и плана культурного слоя, а также описания буровых скважин. Имеется лишь схема раскопа (рис. 2), полная опись находок из всех шурфов и поквартная опись находок из раскопа (архив ИИМК РАН, ф. 2,

оп. 1, д. 237 и 238), поэтому схема расположения шурфов (рис. 1) приводится по А.Н. Рогачеву (1955).

Стоянка располагается на левом берегу широкого оврага, образованного слившимися Александровским и Бирючьим логами, у самого впадения его в пойму Дона. Культурный слой залегал в непо потревоженном виде в отложениях первой надпойменной террасы. На правом берегу

этого же оврага находится стоянка Костенки 6, а чуть выше, на мысу, образованном слиянием Александровского и Бирючьего логов, на уровне второй надпойменной террасы — Костенки 8, 9 и 15 (Рогачев, Аникович, 1982).

Шурфы С.Н. Замятнина были заложены с таким расчетом, чтобы очертить границы памятника. Кремневые артефакты были встречены в 8 шурфах из 10 (шурфы I, III, IV, V, VI,

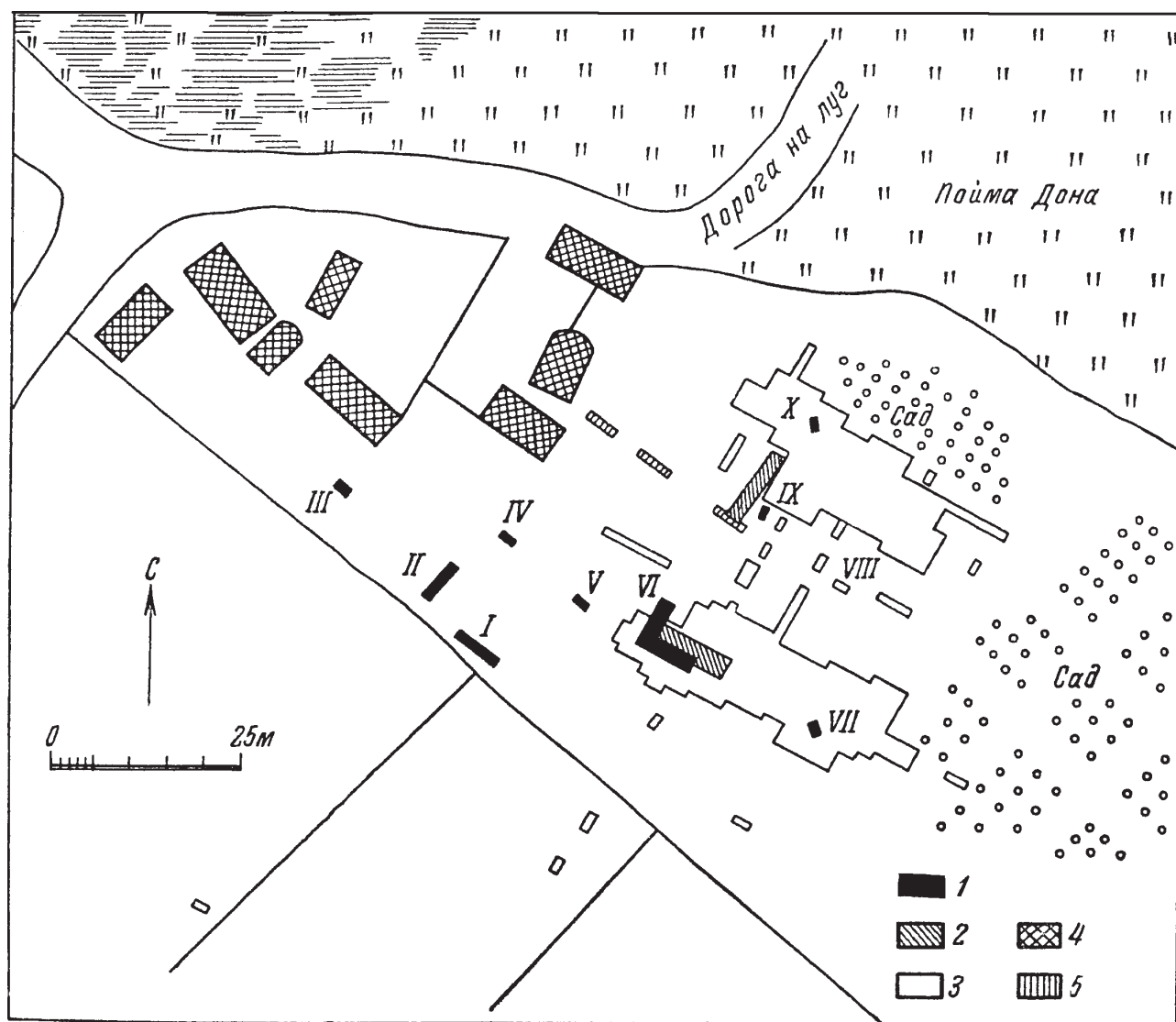


Рис. 1. Общий план Александровской стоянки (по А.Н. Рогачеву, 1955).

1 — раскоп и шурфы С.Н. Замятнина в 1927 г.; 2 — раскопы П.П. Ефименко в 1928 г.;

3 — раскопы и шурфы 1937 и 1938 гг.; 4 — постройки; 5 — шурфы 1953 г.

Римскими цифрами обозначены номера шурфов 1927 г.

VIII, IX, X). Но в большинстве шурфов эти находки были единичны, а окрашенный красной охрой культурный слой, содержащий расщепленный кремь и осколки костей, наблюдался лишь в VI, IX и X шурфах на глубине 1,20–1,50 м. Исходя из этого, шурф VI (AB) 2×1 м, наиболее насыщенный находками, был преобразован в небольшой раскоп площадью 26 кв. м (рис. 2). В полевом дневнике С.Н. Замятнина нет информации о каких-либо объектах культурного слоя, однако в устном сообщении А.Н. Рогачеву перед началом раскопок в 1937 г. он упомянул, что в западном и восточном углах раскопа наблюдал скопления угольков и зольной массы (Рогачев, 1955).

Вся коллекция археологических находок 1927 г. насчитывает 3270 предметов (836 ед. хр.) и хранится под № 5453 в фондах отдела археологии МАЭ РАН, куда она была передана из Государственного Эрмитажа в 1931 г.

Помимо каменного инвентаря, она содержит два мелких фрагмента зуба мамонта, 17 мелких

обломков кости и 10 костных углей. Фаунистические остатки хранятся в Зоологическом институте РАН. Они были определены В.В. Карачаровским при консультации В.И. Громовой в 1939 г. Всего было найдено 206 костей, принадлежащих восьми видам животных. При этом часть костей происходит из чернозема, поэтому из двух особей лошади одна — плейстоценовая, а другая — современная. Мамонт (*Mammuthus primigenius*) представлен одной молодой особью (21 кость); северный олень (*Rangifer tarandus*) — тремя, древность одной из них стояла под вопросом (метаподий, рог и фаланга). Костные остатки одной молодой особи волка (*Canis lupus*) представляли собой три клыка и кусок челюсти с зубами. Наибольшее количество костных остатков принадлежит зайцу (*Lepus sp.*) (138, минимальное количество особей — 5), причем ни одной кости зайца в черноземе встречено не было. Помимо этого, есть скелет хомяка (*Cricetus cricetus*), раковина и кость полевки (*Microtus sp.*) (архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 226) (табл. 1).

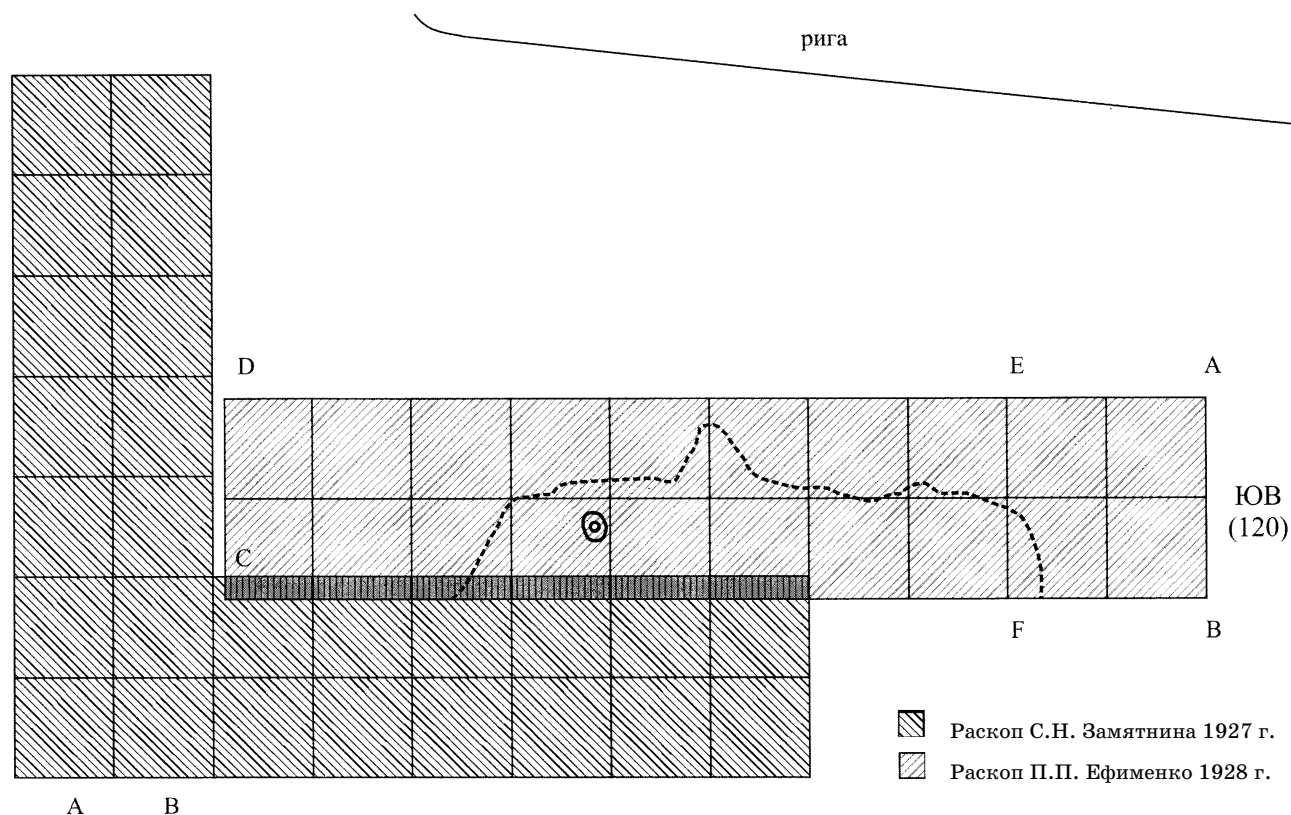


Рис. 2. Схема расположения раскопов С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко

Результаты фаунистического анализа этой же коллекции, сделанного В.И. Громовым, несколько отличаются от заключения В.В. Карачаровского и В.И. Громовой. По Громову, мамонт представлен одной молодой особью, как и волк, кроме того, в списке имеется пять особей зайца, хомяк и водяная крыса (Рогачев, 1955, с. 17). В опубликованной В.И. Громовым в 1948 г. работе водяная крыса не упоминается. При общем анализе фаунистических остатков поселения представляется целесообразным пользоваться более подробными и полными подсчетами В.В. Карачаровского, сделанными сразу после раскопок.

С.Н. Замятнин отмечал, что «по характеру своей индустрии Александровская стоянка значительно отличается от других стоянок этого района» (Замятнин, 1929, с. 212). Своеобразие этой индустрии, на его взгляд, определяла наиболее многочисленная группа орудий — «пластинка с притупленным краем», а также тот факт, что почти полное отсутствие резцов, по мнению автора, компенсировалось большим количеством долотовидных орудий (Там же). Именно эта последняя группа орудий поставила Александровскую стоянку в один хронологический ряд с Костенками 2 и 3, с учетом их стратиграфического положения.

Действительно, микропластинки с притупленным краем существенно доминируют над другими категориями изделий с вторичной обработкой. Всего их насчитывается 114 экземпляров, среди них есть микропластинки с одним и двумя притупленными краями, с волнистыми и зубчатыми краями, с притупленными концами и различными комбинациями этих элементов. Разумеется, в эти подсчеты не входят также многочисленные микропластинки с другими видами ретуши.

Долотовидные формы составляют вторую по численности группу орудий, 37 целых в различных стадиях срабатанности и 54 фрагмента, на отщепах и пластинах.

Скребки насчитывают 22 целых экземпляра и 2 фрагмента, причем абсолютно преобладают концевые формы — 20 предметов, большая часть которых изготовлена на пластинах. Надо отметить, что в некоторых случаях лезвие оформлялось в проксимальной части пластин.

Однако было бы неверным утверждать, что в этой коллекции отсутствуют резцы. Их найдено

17 экземпляров, из которых 13 угловые (два из них двойные), два — двугранные и один ретушный на углу сломанного орудия. Кроме того, имеются семь резцовых сколов и один скол подживления резца.

Нуклеусов и их фрагментов найден 21 экземпляр, в основной массе это одно- (семь предметов) и двуплощадочные (девять) призматические нуклеусы с ребром в остаточной стадии срабатывания, но есть и два пренуклеуса.

Исходя из этого понятно, почему С.Н. Замятнин поместил Александровскую стоянку в одну хронологическую группу с Костенками 2 и 3, отмечая при этом специфичность ее индустрии внутри этой группы. На этом этапе не делалось попыток определить более точно ее культурную принадлежность, требовались дальнейшие исследования.

В 1928 г. к раскопкам Александровской стоянки приступил П.П. Ефименко. Полевой сезон был крайне насыщенным, в том году копались Костенки 3 и 6, Борщевские стоянки, Борщевское городище, были заложены шурфы на отдельных усадьбах. На Александровской стоянке было заложено два раскопа по 20 кв. м (рис. 1). Один из них примыкал к раскопу С.Н. Замятнина и был увязан с ним в единую квадратную сетку. Небольшая бровка между раскопами была намеренно оставлена в качестве контрольной полосы (рис. 2). В южном раскопе (раскоп I) был обнаружен тот же красноватый культурный слой, что и в раскопе С.Н. Замятнина. Он залегал на глубине 1,35–1,60 м от дневной поверхности, был неровным, мощность его существенно колебалась. По описанию П.П. Ефименко, культурный слой имел вид тонких прерывающихся линз неправильной формы (архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 218). Во втором раскопе, северном, культурный слой обнаружен не был, найдено лишь небольшое количество кремневых артефактов в черноземе и на контакте с суглинком. Полевая документация представляет собой дневник, схемы раскопов, где штриховкой отмечена интенсивность окраски культурного слоя и нанесены контуры ямы, вырытой палеолитическими обитателями стоянки (рис. 2), разрезы (рис. 3) и опись находок.

Фаунистическая коллекция хранится в Зоологическом институте РАН, она также исследовалась В.В. Карачаровским в 1939 г., и здесь

приводятся данные его подсчетов (архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 209). Всего коллекция насчитывает 203 костных остатка и одну раковину из зачистки культурного слоя, видовая принадлежность которой не определена. Костей мамонта (*Mammuthus primigenius*) 11, они принадлежат одному молодому животному. Возможно, речь идет о той же особи, кости которой найдены в раскопе С.Н. Замятнина. Лошадь (18 костей) представлена одной очень крупной особью с особенно широкими копытами, для которой В.И. Громо-

ва предложила новое видовое название *Equus caballus latipes*. Шесть костей северного оленя (*Rangifer tarandus*) принадлежат одному старому животному, одна мелкая особь волка (*Canis lupus*) представлена одной костью, а песец (*Lepus lagopus*) — всего одним клыком. Среди грызунов наиболее многочисленны костные остатки зайца (*Lepus sp.*) — 162 предмета (минимум 5 особей). Хомяк (*Cricetus cricetus*) представлен одной костью, а слепыш (*Spalax microphthalmus*) — двумя, принадлежащими одной особи.

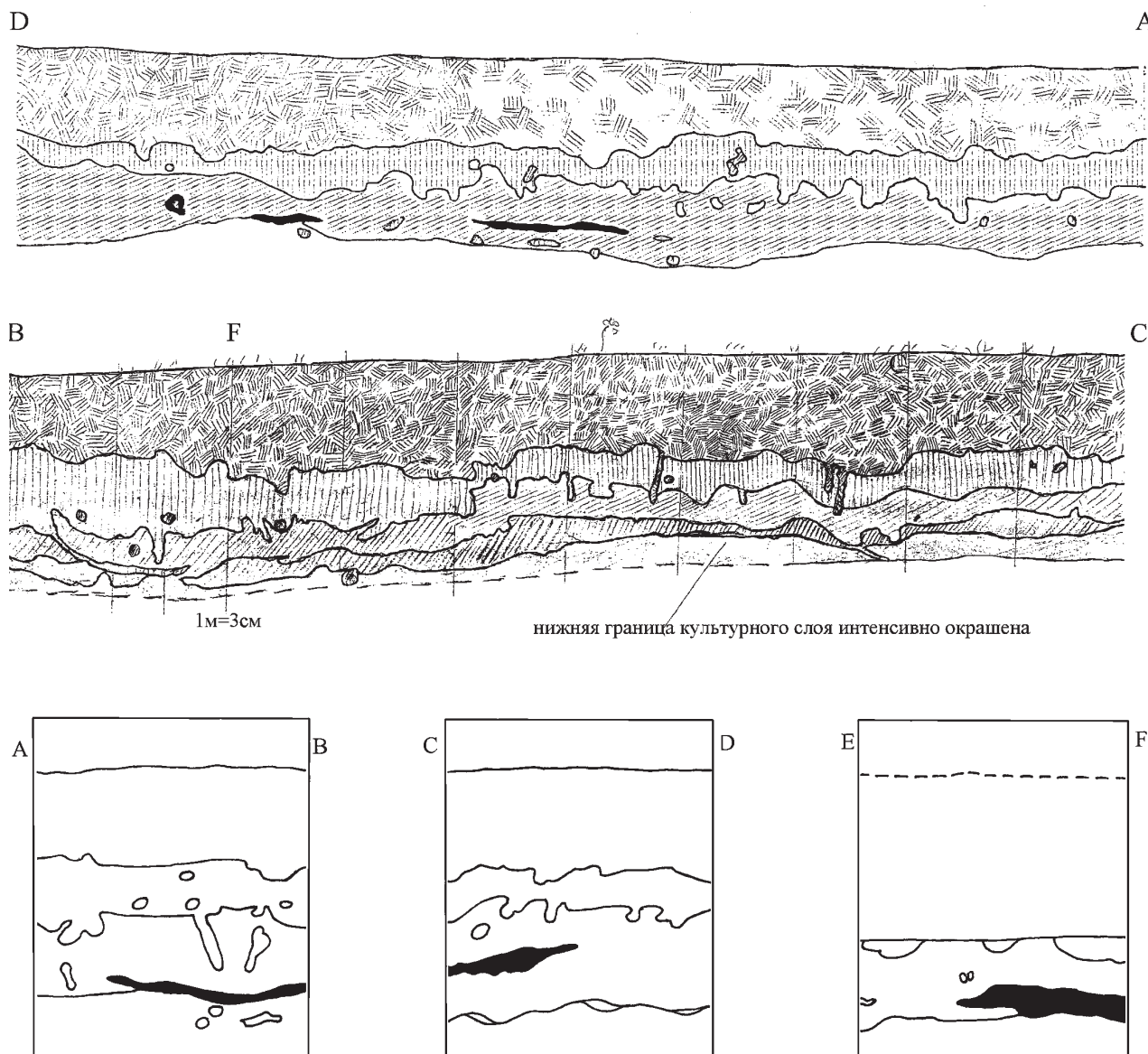


Рис. 3. Разрезы раскопа П.П. Ефименко

Коллекция археологических находок хранится в фондах отдела археологии МАЭ РАН под номером 5080 и насчитывает 3143 предмета (1065 ед. хр.). Костяной инвентарь невелик и не особенно выразителен. Помимо 10-сантиметрового костяного острия, это ребро и 14 фрагментов трубчатых костей со следами обработки (кроме того, два обломка без следов). В коллекции присутствуют расколотые камни, гальки из культурного слоя, плитка зеленоватого камня со следами употребления и пять кусков красной охры. О более пристальном внимании исследователя к характеру культурного слоя свидетельствуют и два ящика образцов слоя, снятых вместе с находками. После раскопок на памятнике было пробурено пять скважин до 280 см глубиной. Только в одной из них, пробуренной от дна южного раскопа, на глубине 210 см была найдена кость в твердом, плотном, очень вязком суглинке с мелом.

Общий характер коллекции кремневых артефактов тот же, что и в коллекции 1927. Однако количественные показатели несколько меняются. По-прежнему доминируют микропластинки с притупленным краем самого разного вида — волнистым, прямым, зубчатым и т. д. (107 экземпляров). Те же формы встречаются и на более крупных пластинках (11 экземпляров). Однако в этой коллекции появляется новая категория орудий — острия на пластинках с притупленным краем (10 предметов) и одно острие на отщепе.

Долотовидных орудий ощутимо меньше — 27 целых и 25 фрагментов. Скребок всего 21 и 2 фрагмента. Большая часть из них — концевые на пластинах и пластинчатых отщепах (16 предметов). Лезвия пяти скребков оформлены на проксимальной части заготовки, один скребок — дулевый, еще один скребок оформлен на остаточном нуклеусе.

Резцов существенно меньше, всего семь и пять резцовых сколов. Угловых — два, один — срединный двугранный и один срединный многофасеточный, один — двойной ретушный и два встречных двойных.

Меньше и нуклеусов: пять целых (из них три двуплощадочных) и два фрагмента. Зато появляются четыре скола поджигления рабочих краев орудий.

Все это свидетельствует о том, что раскопками 1928 г. был затронут участок поселения, не-

сколько отличающийся от предыдущего по своему характеру. Стало ясно, что без широкомасштабных раскопок невозможно составить четкое представление о памятнике. П.П. Ефименко отнес Александровскую стоянку к раннемадленскому времени, отметив «ориньякский облик» инвентаря — «производство, не обнаруживающее заботы о качестве материала, грубое по приемам и бедное видами орудий» (Ефименко, 1934, с. 106). При этом преобладающим типом орудий были названы «грубые резцы», что наряду с бедностью инвентаря и использованием валунного цветного кремня ставит Александровскую стоянку, по мнению П.П. Ефименко, в один ряд с такими же «раннемадленскими» памятниками, как Костенки 2 и 3.

Взгляд на Александровскую стоянку кардинальным образом переменялся девятью годами позже, когда за ее изучение взялся А.Н. Рогачев. Значение его работ невозможно переоценить. В течение всего двух полевых сезонов он вскрыл огромные площади и почти полностью исследовал интереснейшее поселение. В работах 1937 г. принимал участие и П.П. Ефименко.

Первый раскоп был прирезан к предварительным расчищенным раскопам С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко, и далее, следуя распространению культурного слоя, небольшими участками было вскрыто всего 400 кв. м (рис. 4). Культурные остатки залежали в окрашенном красной охрой суглинке на глубине 1,20–1,30 м от дневной поверхности. Они концентрировались в длинном узком углублении длиной 34 м и шириной 5,5 м, тянущемся с запада на восток, границы которого прослеживались четко по заполнявшему его красному культурному слою. В двух метрах к северу и на таком же расстоянии к югу от углубления располагались еще два небольших, менее насыщенных находками скопления. Вне этих скоплений окрашенности культурного слоя не наблюдалось, были встречены лишь отдельные кремневые артефакты (Рогачев, 1955).

Длинная жилая западина подразделялась на три секции, различные по своим размерам и насыщенности находками. Между секциями были плавные, но хорошо выраженные уступы. Высота уступа между западной и средней секциями достигала 10 см, граница между средней и восточной секциями была более пологой. Ярко окрашенный культурный слой, насыщенный наход-

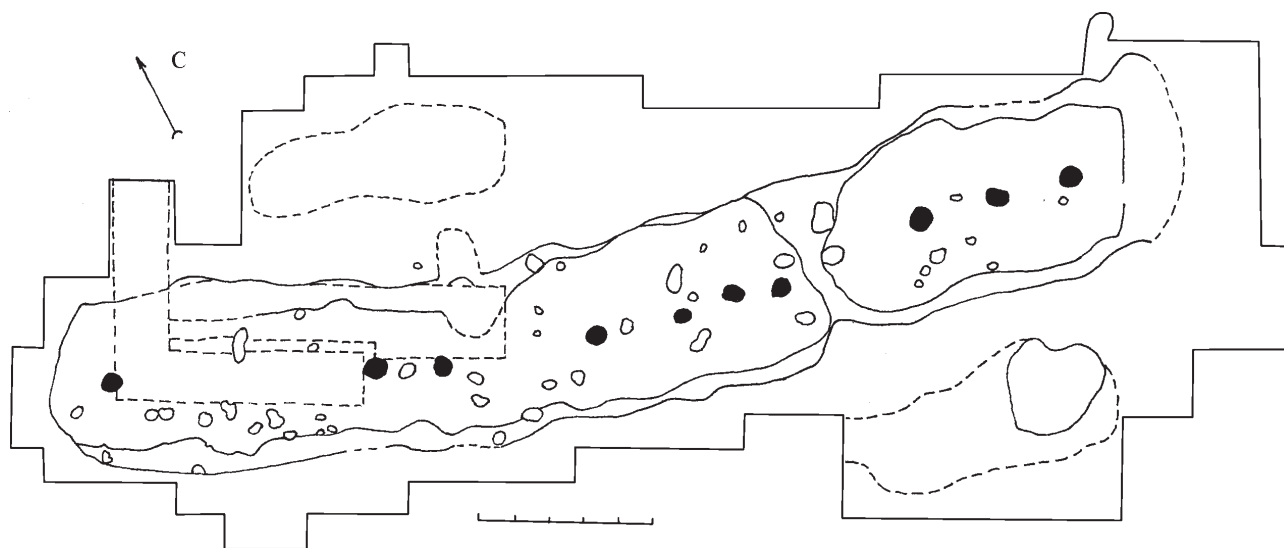


Рис. 4. Раскоп А.Н. Рогачева 1937 г. (южный жилой комплекс)

ками, залегал в центре секций, к краям окраска слоя становилась бледнее, количество находок заметно уменьшалось.

Самая большая, западная секция $14 \times 5,6$ м имела пологие края, только западная стенка была крутой. Здесь было встречено значительно меньше кремня, чем в двух других секциях — всего около 8000 предметов (Рогачев, 1955, с. 120). Именно эта секция была затронута раскопами 1927 и 1928 гг. В ее пределах было обнаружено три чашеобразных очажных углубления диаметром 60–55 см, одно из которых было наполовину разобрано в 1927 г. А.Н. Рогачев высказал предположение, что, судя по расположению очагов во всех трех секциях, помимо этого очага, в раскопе 1927 г. должны были быть остатки и других (по меньшей мере двух) очагов, однако никаких данных об этом у С.Н. Замятнина, к сожалению, нет.

Средняя секция размером $9 \times 5,4$ м была глубже, при общей глубине жилой западины 20–30 см здесь, в северной части, на большой площади глубина достигала 40 см. Края ее были более крутыми. На границе с восточной секцией и вдоль южной стенки наблюдалась бледно окрашенная, бедная находками полоса шириной около полуметра. Интересно, что на границе с западной секцией интенсивность окрашенности культурного слоя не менялась. В средней секции располагалось четыре очажных углубления, пер-

вое из которых было перекрыто поверх 4–5-сантиметрового слоя зольной массы слоем суглинка мощностью 6–8 см, не имеющего окрашенности охрой и не содержащего находок, однако без всяких признаков воздействия огня. Последнее обстоятельство идет вразрез с гипотезой А.Н. Рогачева об особом устройстве этого очага наподобие земляной печи (Рогачев, 1955, с. 95). Вызывает сомнение и предположение о том, что суглинок упал сюда с кровли жилища. Слишком прицельно перекрыт именно этот очаг; кроме того, подобных линз стерильного суглинка в культурном слое на других участках не зафиксировано. Скорее всего, обитатели жилища сами преднамеренно закопали этот очаг. Это могло быть сделано как из ритуальных соображений (гибель кого-то из обитателей жилища), так и из практических — за ненадобностью. Этнографические материалы, впрочем, постоянно демонстрируют нам неразрывную связь между этими двумя источниками мотивации поведения. Количество кремневых артефактов в этой секции составило 14000.

Восточный конец углубления был основательно разрушен многочисленными кротовинами, однако можно установить, что длина восточной секции не превышала 10,5 м. Северный край ее был хорошо выражен, а южный полого сливался с древней дневной поверхностью. Вдоль краев секции шла бледно окрашенная, бедная наход-

ками полоса культурного слоя. По длинной оси секции, на расстоянии 2 м друг от друга располагались три очага, более крупных, чем в западной и средней секциях — диаметр каждого из них достигал 65 см. Интересен факт находки еще одного очажного углубления в самом западном конце восточной секции, заполненного обычным культурным слоем. Лишь на самом дне были небольшие признаки зольности. Восточная секция дала коллекцию кремневых артефактов численностью 13000 предметов.

Общее количество кремневых артефактов из раскопа 1937 г. составило около 38000. Подробные подсчеты опубликованы А.Н. Рогачевым (Рогачев, 1955, с. 120), и здесь нет смысла на них останавливаться. Следует только отметить, что речь идет о тех же категориях находок, что и ранее. По-прежнему во всех объектах преобладают различные разновидности микропластинок с притупленным краем, на втором месте неизменно долотовидные орудия. Соотношение между количеством скребков и резцов различно в разных объектах, однако это различие не имеет принципиального значения. Коллекция хранится в фондах отдела археологии МАЭ РАН под № 6193 и насчитывает 1588 ед. хр. плюс большой резерв.

Состав фауны раскопанной в 1937 г. части поселения значительно богаче, чем в прежних раскопах. Здесь встречено 2957 костей 12 видов различных животных, не считая степных грызунов: хомяка (*Cricetus cricetus*), слепыша (*Spalax microphthalmus*), слепушонки (*Ellobius sp.*), суслика (*Citellus sp.*). Часто они были представлены целыми скелетами, найденными в кротовинах. В некоторых случаях они не имели выраженных признаков древности, поэтому их подсчеты не включены в список фауны. Костей мамонта (*Mammuthus primigenius*) было найдено 200, принадлежавших трем молодым особям, четыре особи лошади (*Equus caballus latipes V. Grom.*) были представлены 179 костями, четыре особи северного оленя (*Rangifer tarandus*) — 63. Двум особо крупным особям волка (*Canis lupus*) принадлежала 51 кость, песцу (*Lepus lagopus*) — полная нижняя челюсть и обломок локтевой кости. Наиболее многочисленными являются костные остатки зайца (*Lepus sp.*) — 2387 костей, принадлежавших минимум 63 особям. Новыми для этого памятника явились

находки шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) (одна кость), пещерного льва (*Leo spelaeus*) весьма крупных размеров (пять зубов, фаланга и сесамовидная кость), пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) (локтевая и пяточная кости), россомахи (*Gulo gulo*) (одна фаланга) и быка очень крупных размеров (*Bos sp.*) (пяточная кость, сочленение верхней челюсти и большая берцовая кость).

Итак, работами 1937 г. был вскрыт крупный жилой комплекс, состоявший из пяти объектов — трех жилых секций и двух внешних скоплений находок. Стало ясно, что Александровская стоянка существенно отличается от Костенок 2 и 3 не только по характеру кремневого инвентаря, имеющего некоторые общие черты с этими памятниками, но по структуре поселения и типу жилых объектов. Однако именно вопрос о структуре поселения оставался до сих пор открытым: многочисленные шурфы и траншеи, заложенные к западу и юго-западу от открытого жилого комплекса, показывали отсутствие культурного слоя и давали в лучшем случае единичные находки, но значительный участок к северу не был обследован.

В 1938 г. был заложен еще один большой раскоп, в 15–20 м к северу от раскопа 1937 г. Здесь было вскрыто 339 кв. м, открывших намного более сложную картину, чем в предыдущем раскопе (рис. 5). Длинное жилое углубление имело размеры 23×5,5 м и глубину 20–30 см. Края его были хорошо выражены почти на всем протяжении. По его длинной оси располагались девять углубленных очагов. По аналогии с южным жилым комплексом А.Н. Рогачев подразделил его на три секции, однако необходимо отметить, что такое подразделение было в значительной степени условным. Здесь не наблюдалось уступов и понижения интенсивности окрашенности и насыщенности культурного слоя между секциями. С юга и востока к длинной жилой западине примыкали два круглых углубления диаметром 6 м и глубиной 40 см, каждое с очагом в центре. Между ними располагалась широкая яма с плоским дном, в заполнении которой были встречены кости мамонта, по предположению А.Н. Рогачева, представлявшие собой остатки конструктивных элементов перекрытия.

Очаг западного круглого углубления имел особую конструкцию, отличную от всех очагов Алек-



Рис. 5. Раскоп А.Н. Рогачева 1938 г. (северный жилой комплекс)

сандровской стоянки. Неправильной формы чашеобразная очажная ямка диаметром 80–110 см была окружена системой из пяти мелких, прилегающих к ней и практически врезанных в ее края. Эти ямки А.Н. Рогачев рассматривал как пекарные, для приготовления пищи (Рогачев, 1955, с. 28). Часть южного и восточный участки границ длинного жилища были нарушены. Культурный слой, залегающий в круглых углублениях и выходящий за их пределы, имел более темную окраску. Кое-где этот более темный слой перекрывал красноватое заполнение длинной жилой западины. При этом стерильной прослойки между этими горизонтами практически не существовало, а мощность обоих слоев в целом была достаточно незначительной. Эти два обстоятельства сделали крайне сложным понимание структуры поселения и разделение коллекции находок, как археологических, так и фаунистических, на два горизонта.

По этой причине фаунистическая коллекция 1938 г., хранящаяся также в Зоологическом институте РАН и описанная В.В. Карачаровским и В.И. Громовой, рассматривается в целом. Она насчитывает 1295 определимых костей, принадлежавших 16 различным видам животных. Четыре молодые и одна взрослая особи мамонта (*Mammuthus primigenius*) представлены 113 костями, 120 костей лошади (*Equus caballus latipes* V. Grom.) принадлежат трем особям, из которых

одна молодая. Шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*) определен по трем обломкам одной лучевой кости из заполнения восточного круглого жилища, следовательно, относится к верхнему горизонту. Северный олень (*Rangifer tarandus*) — один (4 кости), благородный олень (*Cervus elaphus*) — один (3 кости) из заполнения северо-западного конца длинного жилища, т.е. относится к нижнему горизонту. Так же точно установлена принадлежность к нижнему горизонту единственного клыка песца (*Alopex lagopus*), найденного во всей северной части поселения. По одной особи представлены россомаха (*Gulo gulo*) (крупная — часть нижней челюсти с клыками и верхний клык), пещерный медведь (*Ursus spelaeus*) (возможно, бурый, установлен по одному разбитому клыку с частью челюсти), сайга (*Saiga tatarica*) (7 костей) и лисица (*Vulpes aff. corsac*) (одна лопатка, мельче, чем у корсака). 76 костей волка (*Canis lupus*) распределяются между тремя особями (в том числе одна молодая). Шесть фаланг принадлежат *Canis sp.* Три особи пещерного льва (*Leo spelaea*) — молодая, зрелая и старая — представлены 47 костями, большая часть которых относится к заполнению круглых углублений. В частности, два черепа были найдены непосредственно в западном круглом жилище. Они специально изучались Н.К. Верещагиным и В.И. Бибиковой (Рогачев, 1955, с. 18). Заяц (*Lepus sp.*) представлен 22 особями (789 ко-

стей). Список фауны дополняют 43 раковины *Unio*, 5 птичьих костей (*Aves*, виды не определены) и степные грызуны: сурок (*Marmota* sp.), хомяк (*Cricetus cricetus*), слепыш (*Spalax microphthalmus*).

Хвостовой позвонок бобра и осколок передней части резца кабана, вероятнее всего, попали в культурный слой по кротовинам из слоя селища I тысячелетия до н.э., залежавшего в черноземе (Рогачев, 1955, с. 17).

В этой работе уделяется особое внимание спискам фауны Александровской стоянки разных лет, так как в некоторые публикации закрались досадные неточности и хотелось бы, насколько возможно, внести ясность в этот вопрос. Так, в монографии А.Н. Рогачева (Рогачев, 1955, с. 18) допущена опечатка в подсчете костей сайги: по списку В.В. Карачаровского их не 70, а 7. Эта опечатка породила неверное отражение ситуации в дальнейших публикациях (Рогачев, Аникович, 1982, с. 83). Костей пещерного льва по списку В.В. Карачаровского 47, а не 49. В публикации В.И. Громова (Громов, 1948, с. 202) допущена опечатка при подсчете костей зайца: 3338 костей, разумеется, не могли принадлежать девяти особям, на что указал в своей монографии А.Н. Рогачев (Рогачев, 1955, с. 17). Кроме того, в таблице перепутаны русские названия слепыша и слепушонки.

Позднее ревизия фаунистической коллекции Александровской стоянки была произведена Н.К. Верещагиным и И.Е. Кузьминой (Верещагин, Кузьмина, 1977). В этой публикации бобр и кабан, как и у В.И. Громова (Громов, 1948, с. 202), были включены в список плейстоценовой фауны. В коллекции были выделены современные виды, а также костные остатки, относящиеся к слою селища эпохи бронзы, что объясняет большое различие в подсчетах костей слепыша и хомяка. К селищу было отнесено 78 костей (пять особей) слепыша, и три попали в список современных видов (три особи), как и 26 костей хомяка (одна особь).

Анализируя разные списки фауны Александровской стоянки, можно заметить чрезвычайно существенные разночтения при подсчетах количества особей и даже количества костей. Причем вряд ли это было вызвано тем, что в распоряжении Н.К. Верещагина и И.Е. Кузьминой находилась фаунистическая коллекция 1959 г.

(а такие предположения высказывались: Рогачев, Аникович, 1982), поскольку она состоит всего из семи мелких обломков костей. Дело в том, что в этом списке в некоторых случаях указывается костей меньше, чем у Карачаровского и Громова (мамонт: по Карачаровскому — 345 костей, по Громову — 324, по Верещагину и Кузьминой — 272). Учитывая то, что за прошедшие годы состояние коллекции вряд ли могло улучшиться, кажется целесообразным не пересчитывать все заново, а опубликовать сводный список фауны (табл. 1).

Что касается подсчетов костей зайца, представляется наиболее точным результат специального анализа этих костей, проведенного В.В. Карачаровским в 1939 г. (архив ИИМК РАН, ф. 35, д. 65). Речь идет об исследовании состава костей и распределении их по площади раскопов обоих комплексов. Для южного жилого комплекса в общем количестве 2957 кости зайца составляют 2387. Большая часть костей зайца — нижние части конечностей, кисть и стопа (метатарзальные, метатарзальные, карпальные, тарзальные и фаланги пальцев). Все они залежали в анатомическом порядке, иногда в ямках (25%). Однако большинство таких находок приходится не на ямки, а на древнюю дневную поверхность (75%). Поэтому можно предположить, что выбрасывались лапки, иногда, может быть, речь идет о шкурках, но данных о четкой связи этих находок с ямками все же нет.

Коллекция археологических находок 1938 г., как и все предыдущие, хранится в фондах отдела археологии МАЭ РАН под № 6194 и насчитывает 2104 ед. хр. плюс огромный резерв, включающий в себя расщепленный кремль, камни и гальки из культурного слоя, а также образцы слоя. По подсчетам А.Н. Рогачева, общее количество каменного и костяного инвентаря составило около 36 500 предметов: 22 000 из горизонта длинного жилого углубления, 8000 — из западного круглого жилища и 6500 — из восточного (Рогачев, 1955).

Не станем подробно останавливаться на составе коллекции, поскольку он скрупулезно описан в монографии. Отметим лишь некоторые важные общие характеристики. Как обычно, доминируют микропластинки с притупленным краем (в эту группу также включаются острия на таких микропластинках). Почти так же мно-

гочисленны долотовидные орудия на различных стадиях сработанности, включая фрагменты. Резцы представлены тремя основными типами: на углу сломанной пластинки, ретушные на пластинках и отщепах, срединные. Подавляющее большинство скребков — концевые на пластинках. Нуклеусы призматические одно-, двуплощадочные и аморфные. Т.е. мы видим тот же состав коллекции, что и в южном жилом комплексе.

Зато коллекция археологических находок из верхнего горизонта круглых жилищ имеет совсем другой облик. В первую очередь ее отличает наличие большой серии листовидных острий на крупных пластинах. Вторым существенным отличием является наличие двустороннеобработанных форм орудий — крупного бифаса (длиной 201 мм, шириной 47 мм и толщиной 14 мм), небольшого наконечника с боковой выемкой и двух небольших обломков дистальных острых концов орудий. Кроме того, в этой коллекции присутствует большое количество кварцитовых орудий и заготовок — более 1300 предметов. Надо отметить, что техника расщепления и вторичной обработки для кварцита и кремня была одинаковой.

Крайне интересны находки шлифованных сланцевых орудий, в том числе шлифовальных плит, стержней и дисков, представленных достаточно большой серией. Среди них имеется один диск с отверстием, просверленным в середине.

Костяной инвентарь включает в себя лоцила, шилья и острия, диск из бивня мамонта и ряд изделий и фрагментов изделий неясного назначения. Украшения представлены застежками с перехватом, фибулой (?) в виде острия с уплощенным навершием с зубчатым краем и отверстием в центре из бивня мамонта, подвеской из стенки трубчатой кости и рядом подвесок из мергеля.

Произведения искусства немногочисленны: четыре орнаментированных удлинённых предмета из бивня мамонта (два целых и два фрагмента), семь схематичных фигурок животных из мергеля, головка животного и голова человека, также из мергеля.

Что касается прочих категорий орудий, то количественно доминируют в коллекции опять таки микропластинки с притупленным краем. Скребки в большинстве своем концевые на пластинках. Резцы довольно многочисленны, среди

них преобладают срединные, причем иногда двойные, но встречены и боковые, и на углу сломанной пластинки. Вообще резцовый скол использовался здесь как технический прием довольно широко, как для обновления рабочих краев орудий, так и для оформления их проксимальной части, например скребка и листовидных острий.

Отличие коллекций археологических находок из длинных и круглых жилищ бросается в глаза. Однако тот факт, что культурные слои не только не были разделены стерильной прослойкой, но и смешивались на некоторых участках, существенно усложнял ситуацию. Как уже говорилось, фаунистическую коллекцию оказалось почти невозможно разделить по горизонтам. С археологической коллекцией тоже были большие сложности. С одной стороны, различие в характере культурного слоя и составе инвентаря ставило вопрос о одновременности этих объектов. С другой стороны, ряд наблюдений не позволял А.Н. Рогачеву сразу и однозначно принять эту точку зрения. В своей небольшой статье 1940 г. он указывает на то, что частичное смешение культурных горизонтов могло произойти в результате сползания слоя западного круглого жилища, расположенного выше по склону. Кроме того, отсутствие ямок в полу северо-западной части восточного круглого жилища позволило выдвинуть предположение о его связи с длинным жилищем. Для обоих этих жилищ ямки с гальками на дне и отдельные находки галек были типичным элементом. Таким образом, на тот момент складывалось мнение, что «в Костенках IV мы имеем дело со сложной системой одного поселения, построенного по единому плану» (Рогачев, 1940, с. 40).

Позднее, в монографии, вопрос о залегании культурных остатков нижнего и верхнего горизонта был подробно освещен и решен в пользу одновременности этих горизонтов (Рогачев, 1955). Археологические находки, собранные на тех участках раскопа, где слои залегали отдельно в плане, были легко разделены. Однако на значительной площади культурные слои налегали друг на друга и перемешивались. Археологическая коллекция с этой части раскопа разделялась по горизонтам уже значительно позже, на основании «различия цвета кремня, техники его обработки и состава орудий» (Рогачев, 1955, с. 21). Это не всегда было легко, и результаты такого

разделения представлялись неоднозначными, в особенности в отношении массового материала — отщепов, пластин и т.д.

В 1953 г. к юго-западу от северного жилого комплекса были заложены три небольшие траншеи, показавшие отсутствие здесь культурного слоя и давшие лишь единичные находки. Эти работы преследовали другую цель: в 1953 г. в Костенки выезжала специальная комиссия ИИМК АН СССР по рассмотрению стратиграфии палеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района. Поэтому на многих памятниках были заложены шурфы и произведены зачистки старых раскопов. Протокол заседания этой комиссии, в состав которой входили С.Н. Замятин (председатель), М.М. Герасимов, М.Н. Грищенко, В.И. Громов, А.И. Москвитин, И.Г. Пидопличко и В.М. Фридлянд, опубликован в качестве приложения к монографии А.Н. Рогачева (1955, с. 162–163).

Последние полевые работы на Александровской стоянке производились в 1959 г. в 70 м к северу от северного жилого комплекса. При расчистке глинокопной ямы был обнаружен культурный слой, содержащий находки. Этот объект получил название Северный пункт. Площадь раскопа составила 48 кв. м, так что в конечном итоге на Александровской стоянке было вскрыто 922 кв. м. Культуросодержащий слой почти не отличался по цвету от окружающего суглинка, он был лишь чуть более гумусированным в месте наибольшего скопления находок, в средней части раскопа, где на трех квадратах плотность их доходила до 1000 кремней на кв. м (Анисюткин, 2005). Состав кремневого инвентаря беден, но не оставляет сомнений, что этот объект является частью нижнего горизонта поселения. Микропластинки с притупленным краем составляют большинство орудий. Скребок практически нет; резцов мало, среди них серединные, многофасеточные и на углу сломанной пластинки. Небольшие серии долотовидных орудий и шиловидных острий и шесть острий типа граветт дополняют картину.

В целом раскопки Северного пункта уточнили планировку нижнего горизонта поселения, но не внесли ясности в проблему взаимоотношения нижнего и верхнего горизонтов. Стало лишь ясно, что площадь поселения нижнего горизонта в несколько раз превышает площадь более по-

зднего поселения. Северный пункт отсутствует на общем плане поселения, так как имеющаяся в нашем распоряжении документация не позволяет его точно «привязать».

Сложность в понимании общей ситуации в большой степени была продиктована восприятием французской схемы хронологии верхнего палеолита. В самом деле, трудно было себе представить, что раннемадленский слой может быть перекрыт солютрейским слоем (Рогачев, 1955, с. 156). Если же отставить в стороне эти определения, то проблема переходит в другую плоскость и, в сущности, проблемой быть перестает. Фактически А.Н. Рогачев имел это в виду, говоря об этнографических различиях в культурах палеолита. Именно материалы Александровской стоянки привели его к выводу о невозможности «перенесения на берега Дона западноевропейской схемы эпох верхнего палеолита» (Там же, с. 160).

Судьба Александровской стоянки сложилась счастливо. Оба культурных слоя залежали *in situ*, она не была разрушена ни хозяйственной деятельностью человека, ни войной. Ее непосредственно исследовали три крупнейших специалиста по палеолиту, в работах принимали участие многие видные ученые: в 1937 г. — С.Н. Бибииков, в 1938 г. — А.П. Окладников и С.А. Семенов, который в дальнейшем изучал часть коллекции с точки зрения трасологического анализа. Условия залегания слоев (вернее — горизонтов обитания) Александровской стоянки изучали профессор Воронежского лесохозяйственного института М.Н. Грищенко и аспирант географического факультета МГУ Г.И. Лазуков, в диссертации которого подробно излагаются результаты этих исследований (Лазуков, 1954). Все коллекции археологических находок, кроме Северного пункта, хранятся в фондах отдела археологии МАЭ РАН и вполне доступны для работы. Фаунистические коллекции находятся в Зоологическом институте РАН и также вполне доступны. Архивные материалы хранятся в Архиве ИИМК РАН, и, несмотря на то, что часть полевой документации С.Н. Замятина, по всей видимости, не была туда передана, имеющихся материалов вполне достаточно, чтобы шаг за шагом восстановить всю картину изучения Александровской стоянки — этого интереснейшего и оригинального палеолитического поселения.

Таблица 1

Списки плейстоценовой фауны Александровской стоянки

N	Количество костей/мин. количество особей	В.В. Карачаровский, В.И. Громова					В.И. Громов	Н.К. Верещагин, И.Е. Кузьмина
		1927 г.	1928 г.	1937 г.	1938 г.	всего		
	Общее количество костей	206	203	2957	1295	4661	?	4626
1	Мамонт (Mammuthus primigenius Blum.)	21/1jv	11/1jv	200/3jv	113/5(4jv)	345/?	324/9	272/2
2	Лошадь (Equus caballus latipes V.Grom.)	37/2	18/1	179/4	120/3 (1jv)	354/?	318/8	421/6
3	Северный олень (Rangifer tarandus L.)	3/2	6/1	63/4	4/1	76/?	73/6	76/2
4	Благородный олень (Cervus elaphus L.)	-	-	-	3/1	3/1	3/1	3/1
5	Сайга (Saiga tatarica L.)	-	-	2/1	7/1	9/?	9/2	6/1
6	Носорог шерстистый (Coelodonta antiquitatis Blum.)	-	-	1/1	1(3фр.)/1	2/?	2/2	2/1
7	Лев пещерный (Panthera (Leo) spelaea Gold.)	-	-	7/1	47/3	54/?	53/4	58/2
8	Медведь пещерный	-	-	2/1	1/1	3/? Ursus (Spelaearctos) spelaeus Ros. et Hein.	3/2 Ursus aff. arctos L.	2/1 Ursus (Spelaearctos) spelaeus Ros. et Hein.
9	Росомаха (Gulo gulo L.)	-	-	1/1	2/1	3/?	1/1	3/1
10	Волк (Canis lupus L.)	4/1jv	2/1	51/2	76/3 (1jv)	133/?	129/9	105/2
11	Лиса (Vulpes vulpes L.)	-	-	-	1/1	1/1	-	-
12	Песец (Lepus lagopus L.)	-	1/1	2/1	1/1	4/?	8/4	163/6
13	Бык (Bos sp.)	-	-	3/1	-	3/1	4/1	5/1
14	Заяц (Lepus sp.)	138/5	162/5	2387/63	789/22	3476/?	3338/9	3356/99
15	Хомяк (Cricetus cricetus L.)	1скелет/1	1/1	!	6/1	минимум 8/?	18/4	35/3
16	Сурок (Marmota sp.)	-	-	-	2/1jv	2/1	2/1	1/1

Условные обозначения:

? – точное количество особей исследователями не указывается

! – имеется в наличии, точное количество не обозначено

jv – молодая особь

Окончание табл. 1

N	Количество костей/мин. количество особей	В.В. Карачаровский, В.И. Громова					В.И. Громов	Н.К. Верещагин, И.Е. Кузьмина
		1927 г.	1928 г.	1937 г.	1938 г.	всего		
17	Суслик (<i>Citellus cf. rufescens</i> Reys.)	-	-	!	-	!	31/4	6/1
18	Слепыш (<i>Spalax microphthalmus</i> Güld.)	-	2/1	!	68/8 (2jv)	минимум 70/?	85/13	1/1
19	Слепушонка (<i>Ellobius talpinus</i> Pallas)	-	-	!	-	!	1/1	1/1
20	Полёвка (<i>Microtus</i> sp.)	1/1	-	-	-	1/1	-	1/1
21	Птицы (<i>Aves</i>)	-	-	-	5/?	5/?	-	29
22	Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	-	-	-	-	-	1/1	1/1
23	Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	-	-	-	-	-	1/1	1/1
24	<i>Canis</i> sp.	-	-	-	6/?	6/?	-	-

БИБЛИОГРАФИЯ

Анисюткин Н.К. Северный пункт стоянки Костенки 4 // Поздний палеолит Десны и среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири: Тр. ЗИН. Л., 1977. Т. 72.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Тр. ИГН. Вып. 64. Геологическая серия. № 17. 1948.

Ефименко П.П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Тр. II международной конференции ассоциации по изучению четвер-

тичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск, 1934.

Замятнин С.Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. II.

Лазуков Г.И. Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Борщевском районе: Дис. ... к. геогр. н. М., 1954.

Рогачев А.Н. Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. IV.

Рогачев А.Н. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону // МИА. М.; Л., 1955. № 45.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Костенки 4 (Александровская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979 / Под ред. Н.Д. Праслова и А.Н. Рогачева). Л., 1982.